

У Татьяны Красновой есть секрет.
Он такой: для победы над злом нужна
святость

Людмила Улицкая

Татьяна КРАСНОВА

Повливающая миром

Хотите счастья? Быстрее открывайте эту книгу

Чулпан Хаматова

Татьяна Викторовна Краснова
Повиливая миром
Серия «Книга для души»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42537653

Повиливая миром: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-114650-4

Аннотация

Татьяна Краснова написала удивительную, тонкую и нежную книгу. В ней шорох теплого прибоя и гомон университетских коридоров, разухабистость Москвы 90-ых и благородная суета неспящей Венеции. Эпизоды быстройтечной жизни, грустные и забавные, нанизаны на нить, словно яркие фонарики. Это настоящие истории для души, истории, которые будят в читателе спокойную и мягкую любовь к жизни. Если вы искали книгу, которая вдохновит вас жить, – вы держите ее в руках.

Содержание

Предисловие	7
Повиливая миром	9
От автора	12
Венецианское	13
Про Котов острова Торчелло	28
Конец ознакомительного фрагмента.	46

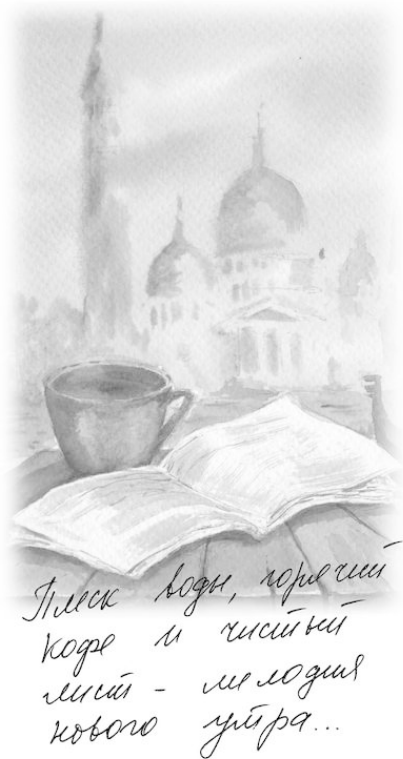
Татьяна Краснова

Повиливая миром

© Краснова Т., иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Плеск воды, порывы
ветра и тихий
шум - мелодия
нового утра...

Я хочу так жить! Я хочу жить счастливо! А счастливо жить означает для меня успевать налюбоваться и насладиться каждой минутой. Именно так, как в этой чудесной книге. Не просто стоять на остановке и ждать вапоретто, а радовать-

ся. Не просто покупать продукты на рынке, а наслаждаться. Не просто пить кофе в кафе, а впечатляться. Разбивать спресованный бетонный блок времени на легкие сиюминутные разноцветные калейдоскопные фрагменты.

У Татьяны Красновой глаза стрекозы, способные анализировать внешний мир с точностью до раstra омматидиев, а не отдельных зрительских клеток. Глаза, которые видят этот серый внешний мир, к которому ты так привык, объемным, красочным, ярким и душистым. Этот мир становится местом, в котором очень хочется жить.

Хотите счастья? Быстрее открывайте эту книгу.

Чулпан Хаматова

У Татьяны Красновой есть секрет. Она о нем написала невзначай, посреди этих замечательных разнообразных текстов. Секрет такой: для победы над злом нужна святость. Только где ее взять, не сказано. Но если читать эту книгу внимательно, там это написано.

Людмила Улицкая

* * *

Предисловие

«Здравствуй, страна героев!» – торжественно спело мне радио на кухонном подоконнике.

Радио знает, о чем поет. Ах, дорогие братья и (в основном) сестры, сколько же их среди нас... Настоящих, героических героев, готовых жертвовать собой ради великого дела, любимого мужа, бесценных детей. Идти сквозь метель, нести на себе, подпирать сзади, маршировать впереди, освещая путь собственным горящим сердцем... и падать замертво где-то посередине дистанции, потому что кончились силы, и ресурса нет, и резерв исчерпан. Мы все не очень внимательно слушаем ту стюардессу, которая перед каждым взлетом сообщает нам, сидящим в самолете, великую мудрость: «Сначала кислородную маску нужно надеть на себя и только потом – на ребенка». Стюардесса не хочет нас пугать, но на самом деле – если маски не будет на вас, не выжить и тому, кого вы больше всего на свете хотите спасти.

Эта книжка – предложение подышать вместе с автором тем, что составляет «кислород» нашей жизни, порадоваться самой ее сути. А суть – это отнюдь не только великие идеи и благородные помыслы, а сама бесценная ткань «серых будней» – жемчужная, с серебряным отливом, уникальными узелками и переплетениями, неповторимая и неверо-

ятно прекрасная.

Пусть в жизни будет место не только подвигу, но и мелким радостям вроде кофе в бумажном стаканчике, плеска воды о дно лодки, глупых разговоров, смешного кино, нелепых людей, бестолковых ситуаций, плюшевых медведей... Ну, вы понимаете. Более того, мне кажется, что из любви ко всей этой незначительной ерунде эта самая жизнь и состоит. И что если не любить ее, именно такую, грандиозную и бестолковую, хитрую и смешную – то и жить незачем, и героем быть не стоит, и бороться не за что.

Вот о ней, такой большой и маленькой, давайте поговорим.

Повиливая миром

Лишь лодок, свай
и дворцов - за рекою,
к морю...

От автора

Автор, конечно, собирается написать роман. Что греха таить.

Большой, хороший роман с фабулой, персонажами, конфликтом и даже катарсисом в конце.

Если в другой раз у автора это получится, он будет требовать от своего читателя сложного выражения на лице, умных слов и даже, может быть, признания, премии и банкета с докторской колбасой и портвейном в пластиковых стаканчиках.

Пока романа нет, автор может предложить вниманию общества только всякую чепуху, написанную за несколько лет в Живом Журнале, и названную так причудливо в память о неизвестном фанате группы «Металлика», украсившем спинку кресла в автобусе надписью «РОК ПОВИЛИВАЕТ МИРОМ». Чувствительный к русской орфографии автор чуть не расплакался при виде этих прекрасных слов, вообразил себе сразу всю красоту и нежность этого ПОВИЛИВАНИЯ и поклялся написать произведение специально под этот заголовок.

Все истории, собранные на этих страничках, как, собственно, и жизнь автора, делятся на несколько частей.

Первая из них называется так:

Венецианское

В девяностых годах прошлого века я приехала в Италию преподавать русский язык веселой компании итальянских студентов. Это было так давно, что в природе еще не водилось шенгенских виз, а моя месячная зарплата исчислялась семизначными цифрами – в лирах. С тех пор из года в год я приезжаю в город, стоящий по грудь в зеленой воде, и жизнь моя поделена между ним и всем остальным.

Я не венецианка. Я – всего лишь *incurabile*¹, неисцелимая. Так между собой мы называем тех, кто попал в сети этого невероятного города и теперь обречен, вынужден возвращаться, раз за разом, год за годом селиться в нем на птичьих правах, иногда бедствовать, иногда чуть не нищенствовать – ради того, что быть с ним рядом. Нас много по всей земле, грезивших о нем с детства или попавших сюда случайно, вышедших с чемоданом из железнодорожного вокзала и уронивших свое сердце в зеленую воду канала. Однажды – и навсегда.

Я хочу, чтобы вы поняли меня очень точно.

Италия – одна из самых прекрасных стран мира, и почти каждый ее город прекрасен и неповторим.

Но Венеция – история особая. Говорят, сам великий Ори-

¹ *Incurabile (итал.)* – неизлечимый, неисправимый.

ген² грешил мечтами о метемпсихозе³ и верил в переселение душ. Скажу честно, среди многих ересей эта – из моих любимых. Если на минутку допустить, что наши души прежде уже приходили на землю, то моя бывала невероятно счастлива в этом городе, меж небес и камней.

Не знаю, как иначе объяснить вам эту болезненную ностальгию. Здоровым людям Венеция кажется обшарпанной, грязноватой, неудобной в смысле транспорта, засиженной голубями и туристами почище любого Коктебеля или Ялты. Еще она – неприлично дорогой город, и даже я ничего не могу возразить против того, что на наших болотах исключительно паршивый климат.

Но так уж вышло, что душа моя дышит не легкими, а жабрами, и стоит только поезду миновать стоящую на твердой земле Местру⁴, опустеть вагонам, везущим по делам серьезных людей, стоит только ветру из лагуны качнуть состав на узкой дамбе – мнится мне, что мою душу, размахнувшись, выплеснули из тесной стеклянной банки в прохладную живую воду, и вот она плывет, не зная куда, без цели, смысла и назначения – навстречу Богу.

² Ориген Адамант – греческий христианский теолог, философ, ученый. Основатель библейской филологии. – *Здесь и далее примеч. ред.*

³ Метемпсихоз – религиозное учение о переселении души умершего во вновь родившийся организм.

⁴ Местре (*итал.* Mestre) – материковая часть Венеции.

Вообще, город сам по себе безумен настолько, что звание городского сумасшедшего здесь можно получить только за совершенно особые заслуги.

Граждане всех стран, потомки всех династий, обедневшие герцоги и разбогатевшие простолюдины, лавочники и художники, купцы, рыбаки, ученые, бродяги, уличные музыканты и уличные карманники, толпы ошалевших туристов на площадях, и Смерть, шаркающая по-стариковски, опираясь на клюку, в безлюдных переулках за Арсеналом⁵ – все это, наполненное бликами, отражениями, колокольным звоном – способно свести с ума кого угодно.

В Венеции надо потеряться. Хоть пару раз, качественно и со вкусом потеряться, закатиться бусиной в эти каменные щели, где даже в жаркий полдень от стен тянет сыростью, поддаться причудливому разбросу мостов и мостиков, выбежать из переулка и внезапно упереться в канал – дальше только по темной зеленой воде. Не умеешь – вернись, повтори свой урок. Налево, направо, *calle*⁶, *sottoportego*⁷... Быстрее, быстрее, почти бегом – и вдруг вот она, громадная, блестящая, звенящая, шумная как порт – площадь святого Мар-

⁵ Венецианский Арсенал – верфи для постройки и оснащения боевых кораблей.

⁶ *Calle* (*итал.*) – тропинка.

⁷ *Sottoportego* (*итал.*) – крытая улица в Венеции.

ка, центр мира, «самая прекрасная гостиная Европы»... Голуби, вспышки фотокамер, толпа туристов, собор – серый снаружи, тускло-золотой изнутри. Мир тебе, Марк... Часы бьют, колокола звенят, кричат чайки, лавки блестят стеклом и золотом, яркие игрушки, дорогуший кофе у Флориана, серебряные гребенки гондол пляшут на воде...

...и снова переулок, и снова мост, и тихая, пустынная набережная маленького канала, и старушка лет ста пятидесяти в древней шляпке с вуалью выгуливает на тоненькой цепочке траченого молю кролика... И ты притормаживаешь, чтобы еще раз оглянуться на странную даму, а там уже нет ни ее, ни кролика... Конечно нет, ты все это выдумал, беги, беги дальше...

Или вот что. Поезжай домой и вернись зимой. Глухой зимой после Рождества, когда в городе пусто и холодно, когда утром приходит такой туман, что корабли идут только по Большому каналу перекликаясь и радарам нащупывая дорогу в непроницаемой пелене, когда шаги в узком calle слышны одиноко и гулко, а под утро над городом плывет этот ни с чем не сравнимый звук: гудок Венецианской сирены, и в город входит вода.

Тогда, на этих пустых площадях, внезапно ставших дном моря, ты встретишь всех, кого любил когда-то, кого потерял и не найдешь уже никогда.

Такого свойство этого места...

Впрочем, не будем грустить.

Переберем свои цветные четки, вспомним любимое, бес-
толковое, смешное и грустное.

* * *

Остановка вапоретто⁸.

06.45. То есть, без пятнадцати семь утра.

На остановке мы вдвоем, я и синьора средних лет в шляп-
ке и перчатках.

Я застаю синьору в непростой момент жизни: она мечется
по плавучей пристани из угла в угол, и мое появление вос-
принимает как благодать: пришел собеседник!

– Что там написано на табло? – спрашивает синьора. – Все
в порядке, 5.2 будет через пять минут.

– Вы уверены? О Боже. Нет, он не придет. Я чувствую.
Какое торmento⁹! Боже. Он не придет, я знаю! Я знаю! Бес-
полезно ждать его! О Боже!

– Синьора, вот он!

– Нет, это не он. Это что-то другое! О мое сердце...

5.2 мирно швартуется на пристани. Синьора внезапно и
полностью успокаивается.

– Естественно, это 5.2-ой! – и мне, укоризненно: – Не сто-
ило так нервничать!

⁸ Вапоретто (*итал.* Vaporetto) – маршрутный теплоход, главный вид обще-
ственного транспорта в островной Венеции.

⁹ Торmento (*итал.* Tormento) – мучение, мука.

* * *

Сосед из гетто.

Знаю его двадцать лет.

Двадцать лет раскланиваемся на улице, жмем руки друг другу на мессе.

Лодки - это всегда
дорога, у которой
нет конца - как неб
со у моря.

Вчера, интимным шепотом на выходе из храма:

– А в Сан-Марко? Синьора бывала в Сан-Марко? Это огромная базилика на самой большой площади...

В глазах – сумасшедшая надежда. А вдруг – нет? Вдруг он будет первым, кто отведет меня, кто покажет...

* * *

Муж приходит домой довольный. Нашел рестораник, где можно поужинать.

– Там, – говорит, – очень уютно. И место тихое: переулок Мертвых.

Промозглым декабрьским вечером бредем переулками от моста Риальто. Это старая часть города. Мост, сверкающий

лавками с золотом и стеклом, остается за спиной, calle, похожие на трещины в камне, редкие фонари. И правда, тихо. Темно и даже страшновато. Ресторанчик на 10 мест. Заняты восемь. У ужинающих странные синеватые лица. Перед нами с порога извиняются и говорят: «Простите, мы ждем еще двоих, и все будет занято!»

Восемь господ и дам слаженно кивают.

Выходим. Нам смотрят вслед.

Конечно, синий оттенок на лицах создает лампочка.

Лампочка, и только она.

* * *

Июль. Жарко. Часам к десяти поднимается ветерок, и в сквер у памятника Гарибальди выбираются мамочки с колясками, старушки с болонками и туристы с картами, на которых подробно обозначены все обломки актуального искусства, прибитые к нашим берегам штормами Биеннале.

Я возвращаюсь с мессы, приплыв в свои райские сады Джардини на вапоретто номер пять, обогнув город по часовой стрелке, очумев от плеска, блеска и жары, тщательно обдумав покупку килограмма черешен у зеленщика, который торгует с лодки у меня под дверью. Черешни можно будет положить в холодильник, и они станут влажными, матовыми... Помимо черешен, у меня есть белое вино и пармезан, и вентилятор под потолком, и целая библиотека в электрон-

ной «читалке».

– Ну, что, синьора, капучино? – спрашивает хозяйка бар-
чика «Мио» и меняет мою траекторию. Я усаживаюсь под
зонтик, получаю бриошь, кофе и запотевшую бутылку воды,
а заодно – билет в партер на ежедневный немудреный спек-
такль.

Сразу три собаки, привязанные к сумке на колесиках у
дверей булочной, тянут сумку – каждая в свою сторону. Бу-
лочница собак к себе не пускает, и ежедневная собачья воз-
ня у ее дверей – привычное дело. Сумка падает, и прохожие
подбирают цветную капусту и баклажаны.

За соседним столиком – толстый пожилой мужчина в рас-
тянутой белой майке, льняных штанах и шлепанцах на бо-
су ногу. На балконе над ним – синьора в халате. Из их диа-
лога я понимаю от силы половину – диалект, венециано¹⁰.
Спор идет о том, что синьора послали в магазин, а не пить
кофе и беседовать с прохожими. Накал нарастает, и внезап-
но синьор оглашает улицу арией из какой-то оперы, и тенор
у него такой шикарный, полнозвучный и широкий, что все
аплодируют, когда он заканчивает – включая, конечно, его
Джульетту на балконе.

В соседнем заведении начинают выносить на улицу сто-
лики и стулья. Скоро полдень.

¹⁰ Венетский язык (также венецкий диалект, венецкая группа диалектов; *ital.* *lingua veneta*; самоназвание – *lèngua vènetà*) – один из романских языков. Распространен на северо-востоке Италии, прежде всего в области Венеция. Традиционно относится к «итальянским диалектам».

Голуби с остервенением рвут в клочья половину булочки, украденную с тарелки у зазевавшейся американки.

Потом вся улица останавливается от оглушительного визга. Из бара выносят бутылку воды, чтобы отмыть разбитую детскую коленку, небольшая, но дружная толпа утешителей предоставляет не уследившему папаше салфетки, платки и советы.

Голуби доедают булку. Не оглядываясь.

* * *

А на острове святой Елены травы чуть не по пояс. Первый Номер останавливается там на пути от Арсенала и садов Бьеннале к Лидо¹¹. На острове святой Елены есть газетный ларек, в котором за пару евро можно купить зонтик, если тебя застиг дождь, пройти мимо охристо-желтых домов, перейти канал по широкому мосту и выйти на почти проселочную дорогу к церкви, которая обычно бывает закрыта.

Там, за церковью, располагается небольшой центр современного искусства.

На странном деревянном помосте висит, покачиваясь на пружине, пустая бочка, подле нее стоит велосипед на вечном приколе, а рядом металлическое дерево сбрасывает на землю лишние шары, мешающие ему плодоносить новыми,

¹¹ Лидо – остров, расположенный с противоположной от Венеции стороне относительно континента.

ржавыми и железными.

Все это вместе обозначает примерную бесконечность существования. Время, облепившее готические фасады барочной лепниной, как якорную цепь моллюсками, не остановилось, а продолжило свое движение сквозь классицизм и модерн, мимо промежуточных станций, вот к этой бочке на пружине.

Как знать, быть может, достигнув некоего умозрительного дна, пустая бочка постмодернизма шарахнется оземь и вознесет потрясенное человечество назад к воздушным фасадам Ка Д'Оро¹², лучистым краскам Карпаччо¹³ и резным потолкам палаццо Дожей¹⁴.

На нашем веку этого, скорее всего, не случится, что придает правильный масштаб всему в целом: и Карпаччо, и бочке, и металлическим плодам, гниющим в траве на острове святой Елены, и нашей весьма незначительной жизни.

¹² Ка-д'Оро, или палаццо Санта-София (*итал.* Ca' d'Oro) – дворец в Венеции, на Гранд-канале в районе Каннареджо

¹³ Витторе Карпаччо (ок.1465 года, Венеция, – ок. 1526 года, возможно в Каподистрии) – итальянский живописец Раннего Возрождения, представитель венецианской школы.

¹⁴ Дворец дожей (*итал.* Palazzo Ducale) в Венеции – великий памятник итальянской готической архитектуры, одна из главных достопримечательностей города.

На венецианском острове Мурано есть – среди прочих красот и великолепий – чудесная церковь. Называется она Santa Maria e Donato. Ради нее из года в год я сажусь на паромчик на Новых Набережных и плыву мимо кладбищенского острова Сан-Микеле к сияющим стеклянным берегам...

Прохожу вдоль лавочек с блестящими игрушками, непременно покупаю какую-нибудь чепуху в бесплодной попытке увезти с собой частичку этого плеска, блеска, сияния и радости, а потом выбираюсь темными переулками к маленькой площади – и вот она.

Золотая апсида, а в ней, среди ослепительного мозаичного космоса – тоненькая, как свечка, Богоматерь. Стоит она там уже девятый век подряд, и кто только не приходил вот так же, задравши голову, посмотреть на это чудо, потому что это – одушевленное Божьим присутствием смещение солнца, смальты и воды...

Ладно, разговор не о том, точнее – не совсем о том. Разговор о ящерице.

Ящерица лежит на стеклянном подносе в витрине. Маленькая изящная ящерка черного стекла. Чудесная, тонкая работа.

Я устраиваюсь на скамье под деревом. Греясь на тихом октябрьском солнышке, смотрю в прозрачное осеннее небо

и думаю вот о чем: амбиций и целей осталось совсем мало.

Фактически, их не осталось вообще. «Дела всей жизни» нет, и, по-видимому, не будет. И это, по-видимому, хорошо. Дитя выросло, доказав, что ребенка нельзя вырастить, а можно только молча присутствовать, стараясь не мешать...

Долги почти розданы...

То есть, в принципе, лавку можно закрывать «по нулям». Значит, ничто (или почти ничто) не мешает мне сейчас встать с места и отправиться на задний двор стекольной мастерской, где гудят горелки и стеклодувы перехватывают острыми щипцами гибкую горячую массу, выдувают, вытягивают, завивают стекло в диковинные спирали. Ничто не мешает мне забыть то немного (совсем немного!), что я умею, и начать учиться заново. И лет через десять – а куда спешить, вон он, кладбищенский остров Сан-Микеле, «через дорогу»! – я, при наличии некоторых художественных способностей, может быть, научусь делать вот таких же изящных существ как то, что лежит на подносе в витрине, и это будет не худшим развитием событий, а, возможно, и не худшим их завершением.

Думая эти приятные мысли, я внезапно обнаруживаю, что греюсь на солнышке не одна. На стволе старого дерева напротив меня нежится... ящерица.

Настоящая, живая, не черная, как та, стеклянная, а зеленовато-коричневая, крапчатая, под цвет коры. Она замирает, не шевелясь, и так же, не шевелясь, сижу я.

А потом мимо нас проходит какой-то человек, и моя испуганная соседка мчится вверх по древесному стволу, стремительная, изящная, и такая *живая*, что я чуть не умираю на месте от приступа счастья и благодарности Тому, кто создал меня, дал мне глаза, руки и потенциальную возможность научиться делать из муранского стекла фантастических ящериц... Которым никогда не стать живыми и никогда не побежать вверх по горячему стволу, как бы хороши они ни были. А для того, чтобы спасти меня от отчаяния, Он сделал для меня еще и *настоящую* ящерицу.

Да, вам, наверное, будет забавно узнать, что ту, стеклянную, я, конечно же, купила...

Сколько лет она со мной?

Десять? Двадцать?

Пусть останется до конца.

Про Котов острова Торчелло

История эта рассказана была автору в одной частной беседе, и источник предпочел имени своего не называть.

Строго говоря, источник вообще предпочел перепрыгнуть через забор и смотаться в камыши удалиться по важнейшим делам сразу после окончания беседы, поэтому уж ваше личное дело, верить ли прочитанному или хмыкнуть скептически.

В Венецианской лагуне, да будет вам известно, есть множество волшебных островов.

Есть в ней прекрасный Святой Георгий, где с колокольни город виден как живая карта, и птицы летят вровень с вами, и море уходит в бесконечность за узким лезвием Лидо... Есть стеклянный Мурано, кружевной Бурано, есть тишайший Мадзорбо по колена в травах, есть и такие, о которых ближе к ночи и говорить не надо, но прекраснейший (по мнению моего собеседника) остров в лагуне – это остров Торчелло.

Всякий, у кого вмещаются лапы и хвост есть доступ в интернет, легко узнает, чем славится этот остров в смысле истории, архитектуры и прочих достопримечательностей. Но, кроме всех этих мелочей, у острова Торчелло есть еще одна особенность.

Впрочем, по порядку.

Климат в Венеции нельзя назвать идеальным.

Население островов страдает простудами, артритами, ревматизмом, саркастическим отношением к китайским туристам и некоторыми другими недугами, а лучше сказать — особенностями.

О некоторых из которых не принято говорить вслух.

К примеру, живет где-нибудь в Канареджио, в приходе святого Альвиза, пожилая вдовая дама. Синьора, скажем, Лаура.

Есть у нее дочка с зятем, внуки-оболтусы, вязание, телевизор — словом, жизнь как жизнь, ничего особенного. Вяжет синьора Лаура жилетки внукам, печет по воскресеньям печенье, и вот в один прекрасный день приходят на горячий шоколад с печеньем внуки, и младшенький, востроглазый, прячась от сестрицы за бабушкиным креслом, вдруг говорит:

— Бабушка, а на чем это ты таком длинном и меховом сидишь?!

Дальше следует замешательство, бабушка оправляет юбки и переводит разговор на другую тему, а вечером старшенькая рассказывает маме, что у бабушки появилась какая-то странная меховая полосатая штука, на которой она сидит, а показывать никому не хочет.

И дочка с зятем отчего-то бледнеют и, уложив детей спать, долго шепчутся на кухне, а на другой день ранним вапоретто едут к синьоре Лауре, чтобы убедиться в своих подозрениях...

Или, к примеру, живет в Каstellо¹⁵ некий синьор Карло.

Работает в кредитном отделе большого банка, ездит в командировки в Германию, имеет приличные портфель, усы и репутацию...

И вот в один прекрасный день соседи замечают, что усы у дона Карло стали как-то вдруг длиннее, движения – мягче, а потом – помилуй Бог! – соседка видит почтенного банковского служащего с *голубем в зубах*.

Тут уж дело принимает нешуточный оборот, звонят сыну в Виченцу¹⁶, тот приезжает...

Ну, думаю, даже самый недогадливый читатель уже понял, о чем я.

Семья, конечно, горюет, но не чрезмерно, ибо обросший шерстью дон Карло приобретает вдобавок к хвосту и четырем лапам вполне солидные девять жизней, положенных ко-ту, и, будучи под покровом ночи вывезен родными и близкими на остров Торчелло (вот мы и дошли до сути), селится на пустынной (на первый взгляд) вилле, мимо которой проходил каждый, кого влекли к себе мозаики Страшного Суда или вкуснейшая жареная рыба ресторана Villa600.

Вы ни с чем не перепутаете этого дома. Ставни его всегда закрыты, и пахнет он...

Ну, вы меня понимаете. Кошками он пахнет.

¹⁵ Один из районов Венеции.

¹⁶ Город в итальянской области Венеция, административный центр одноименной провинции.

Глава самоуправления Торчелло живет на той же вилле вместе с супругой, и досужие туристы кричат ему иногда через забор сакраментальное (и, конечно же, совершенно бесполезное) «кис-кис» на разных наречиях, а дети (ох уж эти дети!) спрашивают звонкими голосами: «Мама, а разве коттики бывают такие большие?!»

Мэр Венеции посещает Торчелло инкогнито несколько раз в год, дабы убедиться, что почтеннейшие жители острова ни в чем не терпят нужды и притеснения, а родные и близкие, оставшиеся в городе, исправно платят налог на питание для своих родственников.

Детям, достигшим шестнадцатилетия, в таких семьях обычно сообщают, что кроме дедушки, покоящегося на Сан-Микеле, у них есть еще и бабушка НА ТОРЧЕЛЛО.

Об этом не принято говорить в школе, и тему эту вообще принято аккуратно обходить за семейным столом, потому что не обо всем же можно болтать просто так за завтраком...

* * *

Январь в Венеции.

Культурная русская публика организованно пялится в сплошной туман, пытаясь разглядеть за его завесой мост Вздохов, – тщетно. Но снимать надо, и публика щелкает камерами.

У Сан-Марко разбирают елку. Остро пахнет хвоей, рабо-

чие пакуют ветки.

– Кончился у них праздник, – говорит сочувственно русский джентльмен русской даме. И дама, и джентльмен средних лет хорошо одеты, на джентльмене висит несколько тысяч евро в виде фотоаппаратуры. Снимать – нечего. Мир бел и безвиден.

– Анна Иванна, смотрите, вот такой шарфик давайте вам купим?

Старшекласники с училкой. Анна Иванна, робея, примеряет нечто плюшевое, с люрексом. Молодежь щелкает друг друга айфонами. Фон айфонам создают только витрины – дальше витрин ничего не видно.

В молочной пелене по Большому Каналу медленно ползут большие вапоретто. Над капитанскими рубками вертят радары – туман... Туман глушит звуки, и справа по борту внезапно возникает серебряная гребенка гондолы.

Истинным самураям плевать на погоду. Замотанные в шарфы, платки и шали, японские туристы пытаются получить 110 из ста возможных процентов влажности.

– Сейчас, конечно, холодно, – задумчиво говорит очаровательная русская старушка в шляпке своей товарке. – Но летом-то они, наверное, тут купаются?

– Летом – точно купаются. Жаль, нам завтра уезжать. На Крещение я б точно окунулась...

Мое воображение сжимается от ужаса и оттаскивает меня за шиворот прочь, от воды, к стеклянным дверям бара, за

которыми немедленно предлагают кофе.

– И граппу! Пожалуйста, граппу!

* * *

Июль. Ветреный жаркий полдень. Мы пьем кофе на набережной у Реденторе¹⁷. Перед нами пыхтят по каналу Джудекки вапоретто, снуют туда-сюда мелкие лодочки, гудит баржа, груженная досками, с воем проносится катер скорой помощи. Потом, неправдоподобно громадный и неповоротливый, со стороны Маргеры¹⁸ в канал вползает океанский круизный лайнер. Спереди и сзади чудовище конвоируют маленькие сердитые буксиры. Вся жизнь лагуны с ее живой суетой становится внезапно игрушечной возней под брюхом левиафана, а домики и церквушки на Дзаттере¹⁹ – детскими кубиками.

Туристы хватают камеры. Кадр и правда впечатляющий...

– Какое уродство, – привычно ворчу я.

– И не говорите, – подхватывает хозяин, занятый какими-то бумагами тут же, за соседним столиком. Мы понима-

¹⁷ Церковь Иль Реденторе (*итал.* Il Redentore – Спаситель) – церковь в Венеции на набережной острова Джудекка

¹⁸ Район Венеции.

¹⁹ Набережная Дзаттере (Fondamenta delle Zattere), в прошлом набережная Неисцелимых (Fondamenta degli Incurabili) – набережная венецианского квартала Дорсодуро, самая южная в городе.

юще переглядываемся, и он салютует мне стаканчиком про-секко.

Город не любит больших кораблей. Вообще, город, сказать по правде, не очень любит туристов. Но, если уж совсем честно, туристы – главная часть его дохода.

Воительница, Царица Морей, купчиха, куртизанка – Венеция не хочет превращаться в Диснейленд.

Старые fornase²⁰ на Мурано не производят и сотой доли тех стекляшек, которыми завалены лавки на Страда Нова. За тысячу лет кружевницам Бурано не сплести столько китайского нейлонового кружева, целой армии мастеров не наделать из дешевого пластика столько позолоченной чуши, сколько вывозят из нашего маленького города в своих чревах эти огромные китообразные корабли.

Но коммерция есть коммерция...

Венеция не может жить без туристов, и уже, кажется, не может жить с ними.

* * *

Промозглый, туманный, ледяной декабрь.

Венецианцы берегут тепло.

– Дверь! – кричат старухи вслед каждому, кто не закрывает за собой двери вапоретто. Лагуна дышит холодным ту-

²⁰ Fornase – стекольные мастерские.

маном.

– Дверь!!!

Еще один бедолага-китаец выбегает на открытую палубу, оставляя нам, сидящим внутри, сырой сквозняк. Я обреченно поднимаюсь с места, сдвигаю за его спиной створки.

– Не понимаю, чему учат эту молодежь в Китае?! Неужели им не объясняют, что на вапоретто надо закрывать за собой двери? – восклицает седовласая синьора в норковой шубке.

– Точно, – комментирую я. И правда, чему их учат?!

* * *

Август. «Высокий сезон». Это значит – жить практически невозможно. Город задыхается от жары, он наводнен туристами, он еле дышит.

Группа американцев – человек десять, уже немолодые, но чрезвычайно активные. И леди, и джентльмены – в шортиках и панамках. На лицах отчаяние. Огромная карта города измята, ее тянут из рук друг у друга, переворачивают: Каннареджо²¹ вниз, Дорсодуро²² вверх...

– Ты по-английски говоришь? – спрашивает меня пожилой синьор. – Помоги им. Видишь, мучаются люди.

²¹ Каннареджо (*итал.* Cannaregio) – один из шести исторических районов Венеции.

²² Дорсодуро (*итал.* Dorsoduro) – один из шести исторических районов Венеции.

Я вздыхаю и заговариваю с гостями города.

– О Боже, какое счастье! Вы говорите по-английски! Мы потерялись! Гид велел нам ждать у церкви, у большой церкви, прямо на остановке кораблика!

Салюте²³... Маркуола²⁴... Реденторе²⁵... Святой Георгий²⁶. Марк²⁷, наконец... Ассортимент довольно обширный.

– А как называется церковь?

Следует жаркая дискуссия. Наконец – о счастье! – одна из старушек вспоминает!

– Санта Ферровия! – вопит она. – Я вспомнила! Санта Ферровия!

– Что она бормочет? – изумляется мой венецианский попутчик.

– Им велели ждать у церкви святой Ферровии, – поясняю я.

– Мадонна! – вздыхает венецианец.

Ферровия – это железная дорога. У вокзала и правда стоит

²³ Собор Санта-Мария делла Салюте (*итал.* Basilica di Santa Maria della Salute) – собор в Венеции на Гранд-канале в районе Дорсодуро.

²⁴ Церковь Сан Маркуола. (*итал.*) Chiesa di San Marcuola – церковь, выходящая на Канал Гранде и расположенная напротив турецкого Фонтего (торгового подворья).

²⁵ Церковь Иль Реденторе (*итал.* Il Redentore – Спаситель) – церковь в Венеции на набережной острова Джудекка.

²⁶ Церковь Святого Георгия Великого, часть одноименного монастыря.

²⁷ Собор Святого Марка (*итал.* Basilica di San Marco – «базилика Сан-Марко») – кафедральный собор Венеции.

большая церковь святой Марии, место обитания наших братьев Кармелитов. Я вожу пальцем по карте, указывая маршруты. Мы считаем станции.

– У вас превосходный английский! – радуются американцы. – Awesome! Just awesome!²⁸ Но вы не американка.

– Нет.

– Но и не британка.

– Нет.

– И не канадка?

– Я из Земблы.

– Зембла?

– Трансильвания, слышали?

Радость узнавания. Конечно, они слышали о Трансильвании.

– Рут, ведь твой племянник Бобби прошлым летом ездил в Трансильванию?

– Неужто? – вежливо изумляюсь я. – Какой шустрый мальчик! Присматривайте за ним в полнолуние...

* * *

Риальто Меркато. То есть, проще сказать, рынок у моста Риальто. По утрам сюда привозят живую рыбу, моллюсков, осьминогов. К полудню рыбная торговля сворачивается. Я

²⁸ – Потрясающе! Просто потрясающе! (англ.)

сизжу на остановке, жду своего вапоретто, обнимая кулек с помидорами, спаржей и сушеными апельсинами.

Рядом со мной мается не очень молодая американская пара. В руках – карта и бумажка, с которой они сверяются. Наконец, отчаявшись, задают мне сакраментальный вопрос про ду ю спик инглиш.

– О, слава Богу, никто не говорит по-английски, мы в отчаянии. Почему люди не учат языки?!

– Действительно, почему?! Чем вам помочь?

– Мы ищем Джордж айленд.

Я отгибаю карту. Сразу за сгибом нарисовано искомое – остров Сан-Джорджио.

– Скажите, там правда есть колесо обозрения?

– Пардон?

– Нам сказали, там есть колесо, с него видно весь город.

– Ах, это... Да. Есть. Оно не совсем колесо, но видно будет.

– Не совсем колесо?

– Оно как бы совсем не колесо. Это в некотором роде башня. Колокольня.

– И она не вращается?

– В ней можно ходить по кругу.

– Это великолепно.

– Это и правда великолепно, – соглашаюсь я.

– Я вижу, вы знаете все-все-все, – интимным голосом говорит дама.

Подумав, я соглашаюсь:

– Полагаю, что так, мэм.

– Помогите нам! Скажите, вы видели фильм «Бейб»?

– Простите?

– Вы не могли не видеть! «Бейб!» Про поросенка!

– А, да! Про поросенка. И что же?

– Нам сказали, что в Венеции есть какой-то знаменитый мост, где снимался эпизод из этого фильма. Поросенок прыгал на этом мосту... Нам никто не может сообщить, где этот мост. People just do not know²⁹.

Наш вапоретто отваливает от пристани. Из-за поворота нам навстречу выплывает мост Риальто. Чем, в конце концов, черт не шутит...

– Этот? – спрашиваю я.

Восторг узнавания.

– Look, honey, piglet Babe bridge³⁰!!!

Нет, я не склонна делать выводы и обобщения.

Мои сограждане бывают еще трогательнее. Да и любые другие бывают...

Но семейная копилка пополнилась:

– Утром куплю капусты на рынке у piglet Babe bridge, супу наварю...

²⁹ Люди просто не знают (*англ.*).

³⁰ Смотри, милая, мост поросенка Бейба!!! (*англ.*)

В устье канала святой Анны на волнах качается лодка, груженная фруктами и овощами. С лодки торгуют наши соседи-зеленщики.

Здесь край города, туристов редко доносит до нас волнами прибоя, и здесь, покупая хлеб и картошку, люди говорят между собой.

– Что это за фрукт? – спрашиваю я.

– Nespole, – отвечает торговец.

Слово незнакомое, и я лезу в сумку за телефоном. Открываю словарь. Перевод ясности не вносит: мушмула.

– Я не знаю такого фрукта.

– Я объясню, – говорить зеленщик, вынимая один плод из ящика, и поднося его к моему носу: – Это очень просто, дорогая! – и четко, внятно, по слогам: – Nes-pole.

Конечно, это меняет дело... Вы замечали – если иностранцу сказать что-то медленно и по слогам, он поймет. Нет? Не замечали?

В тот же день в соседнем переулке моя соотечественница пытается купить у итальянской торговки чемодан. Тут язык межнационального общения отсутствует полностью.

– Ну как же ты не понимаешь?! – по-русски сердится покупательница. – Мне надо такой же, но на колесиках. Не поняла? На ко-ле-си-ках!

Строители Вавилонской башни виновато пожимают плечами. Что поделаешь, дорогие потомки... Мы, конечно, сгруппировались. Но ведь и вы не делаетесь умнее. И отчасти это даже хорошо, что вы не понимаете друг друга. Счастья вам это понимание не приносит...

* * *

Есть у меня незакрытые популярные темы. Точнее, на сегодняшний день – одна.

Черные гондолы с кинжально-острыми серебряными ножами, нарезающие город вдоль и поперек, длинные, лаковые, грозные, как ладья Харона, элегантные, как драгоценное оружие – и груженные толпами разноцветных туристов в ярких панамках и цветных шортиках. Тяжелые солидные Canon-ы, айфоны, прикрепленные к селфи-палкам, дорогушки «телевизоры» и копеечные «мыльницы», и позы, и улыбки, и сто евро за час...

Словом, именно этот венецианский аттракцион я так и не попробовала.

Даже не потому, что дорого.

Как бы вам сказать...

При входе в Палаццо Дожей³¹ привинчен турникет. Ка-

³¹ Дворец дождей (*итал.* Palazzo Ducale) в Венеции – великий памятник итальянской готической архитектуры, одна из главных достопримечательностей города

менные ступени Лестницы Гигантов, статуи, колонны... Памятник ушедшей цивилизации, обломки великой эпохи воителей и мореходов. Гении и честолюбцы, полководцы и дипломаты. Орсеоло³², Контарини³³ и Дандоло³⁴. Эхо их шагов звучит под сводами... Ну, довольно. Насыпьте сюда романтических клише по своему вкусу и не бойтесь переборщить.

Турникет сделан из симпатичного беленького пластика. К величавому серому граниту он привинчен аккуратненькими шурупчиками. Если поднести билетик к окошку турникета, прибор пискнет и пропустит вас внутрь.

Под напором граждан, спешащих припасть к роднику мировой культуры, турникетик слегка покривился, но огонек на реле все еще горит и машинка трудолюбиво попискивает, доказывая на деле, что и мы, потомки великих, способны кое на что. Например, на то, чтобы привинтить к вечной стенке писклявый кусок пластика.

Примерно так же и с этими лодками.

Вот разве что – в карнавал.

* * *

Знаете, сделайте это один раз в жизни. Хоть один. Посе-

³² Венецианский дож. Дожд – титул выборного главы Венецианской республики на протяжении более чем десяти веков, с VIII по XVIII века.

³³ Знатный венецианский патрицианский род.

³⁴ Венецианский аристократический род.

литесь в кемпинге на окраине Падуи³⁵ или в хостеле в каком-нибудь Марконе³⁶. Купите самую дешевую пластмассовую масочку в лавке у вокзала – и отправляйтесь в путь.

И выбросьте карту. Пусть Светлейшая кружит вас переулками, обманывает мостами и каналами, уводит и путает, чтобы выкинуть потом, ошалевшего и счастливого, на огромную площадь, в толпу, звон, грохот и музыку.

Есть тысяча мест, где можно прочесть самое умное и подробное и про традиции, и про ритуалы, и про символы древнего Карнавала...

Я скажу два слова про главное.

Перед погружением в тишину и молчание Великого Поста Жизнь ПРАЗДНУЕТ.

Детство – в смешных платишках и бантах празднует свое первое потрясение и изумление от яркости и торжества существования.

Юность – в дешевеньких забавных плащиках и аляповатых масках с перьями и блестками – свою неповторимую красоту, которая не кончится никогда, потому что состарятся те, кто сегодня всю ночь танцует у моста Риальто, а на смену им вырастут и расцветут дети... А их, нынешних, прекрасная зрелость пусть выйдет на эти вечные улицы и площади во всей своей роскоши.

³⁵ Падуя – город в итальянской области Венеция.

³⁶ Маркон (*итал.* Marcon) – коммуна в Италии в провинции Венеция области Венеция.

А старость и немощь... пусть будут прекрасны по-своему, и пусть старость не отнимет радости. Потому что жизнь, в сущности, про это. И Пост про это.

Что уж говорить про Пасху.

* * *

Свои первые фотографии с карнавала я делаю исподтишка, мне кажется, что это неловко.

Но происходит меленькое чудо, и дамы в кринолинах делают реверанс навстречу моей старенькой камере. Потом я понимаю, что неписанный кодекс карнавала велит всем, кто нарядился в костюмы, улыбаться и позировать фотографам. Любым, даже таким, как я.

* * *

Мои московские друзья влюблены в Карнавал.

Всю долгую российскую зиму Сережа шьет удивительные платья, а Таня, наша подруга, профессор Московского университета, выбирает наряды для этой удивительной недели.

Шляпы, перья, парики, кружева, перстни и перчатки... Неважно, что все это только бутафория, главное – Она, Светлейшая, а уж ничего более настоящего, чем она, – не придумаешь...

Утром мы наряжаемся.

Мне Сережа сшил невероятной красоты плащ, отделанный черными вороньими перьями. На Тане настоящее платье с самым натуральным кринолином...

Мы выходим переулками на площадь у ворот Арсенала.

От ослепительных красок кругом идет голова. Дожи и догарессы, шуты, клоуны, вампиры... Дамы в мехах и настоящих изумрудах. Мальчишки и девчонки в курточках, оклеенных желтой монтажной лентой и с пчелиными крылышками из картона. Стайка эльфов и целое семейство королевских мушкетеров. Львы Арсенала смотрят на гуляющую веселую толпу, и на львиных мордах можно разглядеть ухмылки.

В конце концов, и у зверей тоже карнавал...

На вапоретто входит доброжелательная собака.

Животное тоже принаряжено – вокруг песьей талии шуршит розовая юбчонка с блестками.

Млекопитающее виляет хвостом, обнюхивая людей, и всем своим небольшим организмом выражает приязнь ко всему человечеству.

Огромный вольт – человек в полностью закрытой маске, закутанный в золотой плащ, с золоченой головой громадного льва на плечах и с посохом в руках, наклоняется к собаке.

Собака обнюхивает протянутую руку в перчатке, унизированной кольцами. Потом смотрит вверх. Собаке ласково кивает звериная голова в перьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.